
Ранняя история следственных органов на территории будущей Новосибирской области

Ещё в начале XVIII века здесь проводилось следственное дело «о заповедном торге» - по обвинению томского воеводы Григория Петрово-Соловова в разрешении томскому жителю Степнову с сыном торговли с нерусскими народами и об оскорблениях ему томским сыном боярским Петром Лаврентьевым и дворянином Ив. Протопоповым. Обстоятельное его изложение было адресовано «Единому Государю Царю Великому Князю Петру Алексеевичу Единая и Малая Белые Роси Самодержвцу» и отложилось в архивных документах Сибирского приказа.

Известно даже имя одного из первых следователей - Иван Черкасов. Согласно материалов розыска служилые люди «новоселебной» деревни Кривошековой, что была поставлена на Телеуцкой меже, в августе 1708 года вели со степными инородцами незаконную торговлю, не облагаемую пошлинами. При чем с ведома томских властей.

На учинённом порознь допросе выяснилось, что некий «Андрей и сын его Иван Степнов со товарищами» привезли в Кривошеково из Томску 300 аршин сукна, столько же холста, а также юфть и «всяка рухлядь» (мех выдр, лисиц красных) и пр. Аж три лодки товару. Сюда же доставляли свой товар инородцы, в основном тоже ткани: шёлк, китайку, выбойки. Привезли на 22 верблюдах и 10 лошадях.

Следствие также апеллировало к «начальному человеку» и судье Сибирского приказа князю Матвею Петровичу Гагарину. Из открытых источников известно, что на момент следствия воевода уже был смещён, судьба контрабандистов пока остаётся неизвестной.

А вот карьера главы Сибирского приказа поначалу пошла в гору. Вскоре он был назначен первым сибирским губернатором, но через 10 лет после этого по приказу Петра I был публично казнен через повешение. «Дабы иным не повадно было». Следственная комиссия выявила в его деяниях низкие платежи, поступившие в государеву казну из Сибири, большие недоимки по таможенным сборам, укрытие драгоценностей из древних бугров (могильников).

В середине XVIII века в Российской империи были созданы губернские и сенатские следственные комиссии, предназначенные также и для борьбы с должностной преступностью. А в Сибири судебные-следственные дела о злоупотреблениях, коррупции и казнокрадстве

местных властей были явлением достаточно частным. Помимо уже упомянутого М. П. Гагарина это следственные дела тюменского воеводы Ф. Филисова, иркутских вице-губернаторов А. И. Жолобова и А. М. Сухарева.

С последним вообще случился казус. Дело в том, ещё в 1730-1732 годах, будучи на должности обер-коменданта *Тобольска* и командира Енисейского полка, Алексей Михайлович сам энергично вёл следствие о злоупотреблениях тарского воеводы, сына боярского Дмитрия Рукина, которого обвиняли «во многих неправдах и обидах». Воевода удерживал в свою пользу часть жалованья служилых людей и т.д. Но через десяток лет сам следователь стал подсудимым. Будучи уже иркутским вице-губернатором по извету Сухарев попал под сенатское следствие, которое тянулось более 10 лет, до самой его смерти в чине генерал-майора и сибирского губернатора.

В 1724 году жители Бердского острога и окружающих деревень направили челобитные губернатору в Тобольск и в Енисейский надворный суд, в которых жаловались на кузнецкого воеводу полковника Бориса Серединина, чинившем всякие препоны и требующего подношения мехов «в подарок». В ответ воевода объявил охоту на главаря жалобщиков бердского крестьянина Прокофия Соколова. После неудачно проведённой карательной операции по поимке государева «противника», в январе 1726 года большая толпа крестьян (до 400 человек) пришла в Бердском в «государеву избу» и объявила приказчику А. Максюкову, что он лишается всякой власти. В избе была изъята вся документация и казенные деньги.

И лишь серьёзное военное вмешательство сибирского губернатора, князя М. В. Долгорукова позволило арестовать крестьянского главаря Соколова и доставить на допрос в Тобольск. Были арестованы и все активные бунтовщики. 11 сентября 1729 года их публично высекли кнутом. Через три года Прокофий Соколов бежал из Тобольска, вернулся домой и «наипаче прежнего в Бердском остроге и в деревнях жителей научает и бунтовать возмущает». Крестьяне пишут челобитные уже на новых воевод «в чинимых ими з берских обывателей взятках». В этот раз губернатору пришлось идти на уступки – кузнецкие воеводы П. Нефедов и С. Зиновьев были отстранены от должностей; против них и других чиновников было возбуждено следствие.

Но мы отвлеклись на дела общесибирские. Они хотя обширнее и интереснее наших местечковых, но вернемся к делу «о заповедном торге». В его документах, кстати, мы находим очень важное для истории Новосибирска первое документальное свидетельство существования деревни Кривощёковской, на месте которой сейчас расположен огромный город Новосибирск. В деле неоднократно упоминается и томский служивый, новокрещённый калмык Степан Ильин годов 26 (известный также под именами Криницын и Кривощёк). В допросной речи он показал, что в мае 1708 года с воевода томского воеводы и вместе с казачьим сыном Иваном Капнашиновым, с чатским татаринном Тезепом Сургуановым он основал эту деревню как место торга с телеутами и чёрными калмыками.

Так что наш город имеет свой самый первый документ именно благодаря следователям, работавшим здесь более 300 лет назад.

В каждом сибирском остроге, несшим административные функции, находилась приказная или «судная изба, где хранились «приказные дела», с сенями и подвалом». Это из описания Чаусского острога 1741 года. В нижней клети зачастую находилась небольшая «караульная камора». В Новосибирской области нижние венцы такой избы найдены, например, на месте Умревинского острога.

А вот упоминание судной конторы Уртамского острога в росписном списке 1750 года: «Судная изба, напротив неё черная изба, при ней двор, амбар и баня». Копию судной избы воссоздали недавно в Заельцовском парке Новосибирска. Как утверждают историки, реплика «максимально приближенна к реальности».

Внутри избы обязательно присутствовали икона, портрет Государя, медная печать. Судной конторой, руководил комиссар, назначаемый Томской воеводской канцелярией, обычно на два года. Обычно здесь же и жил.

Судная изба, сочетала в себе функции исполнительной и судебной власти. В её обязанностях была переписка с Томской воеводской канцелярией, с нижним земским судом. В рапортах и донесениях сохранились сведения о сборе, перевозке и употреблении казенного и оброчного провианта; о продаже вина и соли; о рубке леса, ремонте дорог, о почтовой и подводной гоньбе; о покупке лошадей и наборе драгунских лошадей; об эпидемиях скота; об отправке работных людей и увольнении со службы; о выдаче пашпортов, о рекрутском наборе, кражах, сыске беглых и др. Изба следила за исполнением оброчных и заводских повинностей приписного населения, взыскивала подушные подати и штрафные деньги, налоги и недоимки, решала массу вопросов в подведомственных поселениях: от хозяйственных до уголовных. Иногда её называли «государевым двором». Сам суд обычно вершился воеводой в Томске, но предварительное дознание проходило на местах, в судной конторе.

Деревни, находившиеся на территории нынешнего Новосибирска (Кривощёково, Усть-Иня, Чомы, Вертково, Бугры и другие) были приписаны к Чаусскому острогу.

Например, в 1739 году Чаусская контора рассматривала заявление кривощёковских крестьянин В. Быкова, И. Ощепкова, И. Пайвина, что пожелали «плыть на барке вниз по Обе реке до Нарыма, Сургута и до Березова городов с хлебом своей пахоты...», в 1747-м доношение от деревни Вьюнской жителя Екима Селиванова сын Чусовлянова да Петра Никитина сын Ситникова: «желаем мы именованные ехать для рыбного промыслу и свидания с родственником своим до Белоярской крепости и до Чарышу а без данного пашпорту из Чаусской судной избы ехать опасны...».

В 1746 году из Чаусской судной избы в Томскую воеводскую канцелярию поступил рапорт «благородному господину артиллерии штыкюнкеру Красносельцеву». Его смело можно идентифицировать как секретный документ оборонного значения. В записке содержится информация вооружении острога: пять пушек, из которых четыре были чугунными, а одна медная; сорок одна гладкая пищаль; девяносто мелких и крупных ядер и др.

Такая вроде бы мелочь как смена места жительства также была в ведении судных изб. В сентябре 1759 года в Чаусскую контору поступил донос на крестьян деревни Луговой Григория и Михайлу Поломошновых, которые задумали для рыбного и звериных промыслов «съехать з женами и детьми и со всем скотом» в Кулундинскую степь. Тем более, что там уже «жительство домами имеют свойственники их». Но по дороге, «не доезжая до оной степи верст за десять», сотниками, посланными от Чаусской судной конторы, Михайло был «взят и привезен в Чеуск...». Разбирательство приказало вернуть Поломошновых на «прежнее жительство», в деревню Луговую.

Донысы и изветы, рассматриваемые судными избами, касались самых различных сторон жизни: угроз, побоев, краж, «отнятии штанов и денег».

Вот лишь несколько таких дел.

- в 1731 году Василий Пиминов Кунгурцов из деревни Речкуновой доносил в Чаусскую судную избы на тестя своего крестьянина Петра Какшерова, который «напустил на него скорбь» и «похвалялся де напустить» её на всех остальных родственников.

- в 1737 году жители деревни Бибиной доносили, что в доме у А. Колоколышкова «з зятем ево Иваном Климовым» «чинятца» у хозяина «завсегда несносные ссоры и в тех ссорах меж собою угрожают смертным убойством... и... друг друга называют ворами».

- в тот же год крестьянин Лука Руднев бил челом, что 29 мая, «у праздника Троицына дни» он с братом Саввой был в деревне Юнской в доме Якова Мальцева, а когда вышел «из избы на улицу, и на улице называл» его беломестный казак Алексей Глухих «с собою боротца». «И я с ним на борьбу не пошел и отговаривался, боротца де я не умею и не борюсь, и оной Глухих за то меня ударил кулаком по глазам и говорил, мне де и пять рублей не беда». Видимо, сумма штрафа за побои.

- в 1757 году десятник К. Микитиных из деревни Кубавинской доносил: «деревни Каменской

разночинец Пётр Мингалев, пришед к тутошнему ж жителю Василию Третьякову в дом, жену свою бил смертельно и велел ей на ногах своих чарки облизывать... и, ругаясь же, подол ей заворачивал на голову, да и всегда оную бьёт же и изгоняет».

- в 1762 году богатый крестьянин Григорий Быков из деревни Кривошековской «за непорядочное и напрасное битье снохи ево» был подвергнут штрафу.

- в 1761 году из Кольвано-Воскресенского горного начальства в Чаусскую судную контору поступил орден, по которому «велено беглых с Чакирского рудника бергауров Ивана Земленова, Филипа Текутьева да вечного работника Данила Гусельникова везде всякими сыски накрепко выискивать, и где в сыску и в поимке явятся, то оных в крепких ручных и ножных смыках прислать под караулом в оную канцелярию [...] Того ради от Чеуской судной конторы велено в Чеуском остроге во всенародное известие публиковать об оных беглых ея императорского величеству указом, о чем опубликовано и в пристойном месте выставлен, тако ж и в приписные здешние конторы места для того опубликованные послать указы».

Или, например, в 1759 году в Умревинскую судную контору поступил извет на блудное воровство (сексуальные отношения вне брака). Ну, вроде бы измена да измена, никого не убили. Обычное бытовое дело. Но в XVIII веке это было делом государственным. Их разбирали очень серьезно.

«В допросе своем она сказала, что де напред сего прошлого 757 году она, Чивозерова, блудным своим воровством совокупила Умревинского острога с различинцом Иваном Васильевым сыном Чахловым добропорядочно. С которым она, Чивозерова, блудным своим воровством прижила младенца, коим она разрешилась сего 759 году прошедшаго апреля месяца...».

Какая резолюция была определена по данному допросу неизвестно, но хорошо ещё, что ребенок не умер, а то матери могла грозить и каторга. Обычно такие дела заканчивалось битьем кнутом.

В августе 1760 года жители поселений подведомственных Чаусской судной конторе «и всех тех деревень обыватели дали сию подписку в такой силе, что никто лосиными и прочими того рода кожами не торгует и не делает...». Категорический запрет на торговлю учреждался в пользу подмосковной казенной лосиной фабрики, которая производила армейское кожаное обмундирование. А «кто оные имеет, те б люди их продавали [...] прикащику его Сергею Соколову и посланным от него неотменно, а окромя их отнюдь другим никому не продавали б и в дело не употребляли под объявленным за то в указе штрафом...» Но, естественно, что никакого антимонопольного следствия открыто не было, да тогда и быть не могло, тем более,

---

что оно касалось оборонки.

Множество работы было и в крупной Бердской судной конторе. Особенно нашумело дело 1798 года о покраже денег из Бердского питейного дома.

Статья подготовлена научным сотрудником музея Новосибирска Константином Голодяевым

Адрес страницы: <https://nsk.sledcom.ru/folder/876679/item/1607717>